

Эти слова звучали совсем не как комплимент. Из уст императора они звучали так, будто он был подобен крысиному помёту, упавшему в котёл и испортившему весь суп. Это сравнение было странным, и чем больше Шэнь Нянь о нём думал, тем больше чувствовал неловкость и даже лёгкое смущение.

Ци Цзюньму изначально просто хотел сменить тему, случайно упомянув об этом. Увидев, как на лице Шэнь Няня появились смущение и неловкость, он был искренне удивлён.

В глазах императора Шэнь Нянь всегда был человеком с толстой кожей, чьи слова не знали пощады, что было настоящим расточительством для его благородной внешности. Короче говоря, за исключением того, что он с серьёзным видом нёс чепуху, Ци Цзюньму редко видел на его лице другие эмоции.

Теперь же, когда лицо Шэнь Няня внезапно изменилось, а на щёках появился лёгкий румянец, это стало поистине ярким зрелищем.

Ци Цзюньму, глядя на такого Шэнь Няня, не мог не подумать, что если бы маркиз — усмиритель Севера сбросил с себя всю свою агрессию, то такое выражение лица могло бы легко вскружить голову многим, и он бы не оставался холостяком до сих пор.

Взгляд императора был открытым и оценивающим. Шэнь Нянь изначально чувствовал неловкость из-за его слов. Но под таким взглядом он почему-то начал нервничать ещё больше, и жар на его лице никак не удавалось скрыть.

Увидев, что лицо Шэнь Няня становится всё краснее, Ци Цзюньму почувствовал, что, возможно, перешёл границу. Он слегка кашлянул и отвернулся:

— Об этом ты просто знай. Когда я определюсь с кандидатурой, объявлю публично.

Шэнь Нянь спокойно ответил:

— Да, Ваше Величество, я понял.

На этом разговор закончился, и между правителем и подданным внезапно наступила неловкая пауза. Ци Цзюньму воспользовался моментом и отпустил его.

Шэнь Нянь, выйдя из Чертога Цяньхуа, глубоко вздохнул. Он никак не ожидал, что всё зайдёт так далеко. Он мог только с горечью отметить, что мысли императора невозможно угадать.

В тот вечер Шэнь Нянь вёл себя сдержанно и не появлялся перед императором. Он был в ночном дежурстве, а на следующий день мог отдохнуть, что означало, что он сможет на день вернуться домой.

На самом деле, для Шэнь Няня пребывание в императорском дворце или в доме семьи Шэнь не имело особой разницы. И дворец, и дом семьи Шэнь были для него лишь временным местом, где можно было переночевать.

Однако, учитывая предупреждение Ци Цзюньму, он всё же уделил внимание происходящему во дворце. К счастью, никаких слухов не распространялось, и о принцессе Лэ Цин говорили лишь как о заболевшей, а вдовствующая императрица, проявив заботу, отправила к ней лекаря.

Казалось, что инцидент с падением принцессы Лэ Цин в Императорском саду вовсе не произошёл.

Это одновременно принесло Шэнь Няню облегчение и вызвало у него странное чувство. Такое же странное чувство у него появилось, когда Ци Цзюньму упомянул вдовствующую императрицу.

Он считал, что довольно хорошо понимает людей, но, глядя на эту самую уважаемую женщину Великой Ци, он чувствовал, что не может её разгадать. Линь Энь был всего лишь племянником вдовствующей императрицы, но она заботилась о нём настолько, что это было неожиданно.

Но больше всего Шэнь Няня удивило то, что император даже не пытался скрыть это от него.

Чем спокойнее был император, тем более странным это казалось. Его отношение к вдовствующей императрице было слишком ровным: ни капли ненависти, ни капли любви. Для него она, казалось, ничем не отличалась от обычного человека.

Шэнь Нянь подумал, что, возможно, именно это и делает императора императором. Он был обычным человеком, и в детстве, когда его мать, матрона Вэнь, так с ним обращалась, он всё ещё питал слабую надежду.

К счастью, он быстро осознал это, и матрона Вэнь больше не могла его ранить.

Думая о матроне Вэнь, Шэнь Нянь вспомнил о вдовствующей императрице.

Перед возвращением в столицу он всё же наводил справки об императоре. Говорили, что вдовствующая императрица всегда любила его и поддерживала в становлении императором. По логике, отношения между матерью и сыном должны были быть очень тёплыми.

Даже если бы были небольшие разногласия, сын как человек должен был бы уважать мать. Непонятно, что произошло между ними, что привело к такой отчуждённости.

Шэнь Нянь думал обо всём этом в хаотичном порядке, чувствуя, что дела во дворце запутаны и скрыты, вызывая раздражение и головную боль.

Ван Цзюнь сопровождал Шэнь Няня и тоже был в ночном дежурстве. Видя, что Шэнь Нянь хмурится и выглядит не в духе, он поднёс ему чашку чая и с заботой спросил:

— Господин, о чём вы думаете?

Шэнь Нянь взглянул на Ван Цзюня и ответил:

— О господине Лине. Почему... почему он носит маску?

С момента возвращения в столицу его окружали различные мелкие дела, и император заставил его совершить немало подвигов. Кроме того, он не был знаком с силами в столице, и никто не решался легко сближаться с ним. Многие вещи в столице он не знал, а многие люди даже не были ему знакомы.

Левый канцлер Линь Сяо был родным дядей императора и пользовался его доверием. Это знали все в Поднебесной, и Шэнь Нянь тоже это знал. Он также знал, что у него есть сын по имени Линь Энь, который жил уединённо, но не видел его лично и не старался узнать о нём больше.

Конечно, в основном никто не упоминал Линь Эня.

В Императорском саду он впервые увидел Линь Эня и впервые узнал, что он носит маску.

Император не объяснил ему причину, и он не мог спросить. Это явно касалось вещей, о которых даже император не хотел говорить.

Когда Ван Цзюнь заговорил, Шэнь Нянь решил воспользоваться моментом и спросить. Это было вполне естественно, ведь, увидев такого человека, он не мог не заинтересоваться.

Услышав вопрос Шэнь Няня, Ван Цзюнь изменился в лице, осторожно огляделся, чтобы убедиться, что рядом никого нет, и тихо сказал:

— Господин, во дворце никогда не упоминайте о маске господина Линя.

Шэнь Нянь нахмурил свои выразительные брови, между которыми образовалась складка, и спросил:

— Почему?

Ван Цзюнь указал пальцем вверх:

— Император и вдовствующая императрица не любят, когда во дворце распространяют слухи о господине Лине.

Шэнь Нянь нахмурился ещё сильнее. Он мог понять, почему вдовствующая императрица не хотела, чтобы о Линь Эне говорили, но Ци Цзюньму был человеком с глубокими мыслями, и он действительно не мог понять, о чём думает император.

Ван Цзюнь, видя, как Шэнь Нянь выглядит, подумал, что тот действительно хочет узнать эти сплетни. Он хотел подольститься к Шэнь Няню, надеясь использовать его влияние как маркиза — усмирителя Севера, чтобы продвинуться, и потому не хотел, чтобы тот нарушал запреты. Поэтому он понизил голос и сказал:

— Господин, вы выросли на северных рубежах, поэтому, возможно, не знаете о делах в столице. Лицо господина Линя Эня было изуродовано, когда он спас императора...

Эти вещи были известны всем, кто имел хоть какое-то положение в столице, и Ван Цзюнь рассказывал их с уверенностью.

Шэнь Нянь наконец понял. Он думал, что отношение вдовствующей императрицы к Линь Эню было слишком странным, но теперь узнал, что за этим скрывалось столько мелочей.

Он подсчитал, что это произошло в тот год, когда он ещё был в столице. Только тогда семья Шэнь не пользовалась благосклонностью императора Цзина, а матрона Вэнь его отвергала, поэтому он многое не знал.

Позже он упал в воду и чуть не погиб, а когда очнулся, отец, Шэнь И, забрал его, и он больше не слышал об этих событиях.

За эти десять с лишним лет он находился на северных рубежах, где жизнь и смерть были непредсказуемы, и он даже не думал о столице, этом месте печали. Внимание всей Великой Ци было сосредоточено на императоре Цзине.

Только теперь, когда Ци Цзюньму взойшёл на трон, семья Линь и Линь Энь снова привлекли внимание, и эти старые истории снова вспомнили.

Ван Цзюнь, закончив говорить, увидел, что Шэнь Нянь выглядит рассеянным, и сказал:

— Господин, просто забудьте об этом.

Шэнь Нянь улыбнулся и сказал:

— Сегодня ты просветил меня, и я запомню эту услугу.

Это означало, что он принял его помощь, и Ван Цзюнь обрадовался.

Разобравшись с этим, Шэнь Нянь перестал думать о вдовствующей императрице и Линь Эне.

Пока эти дела не касались его, он предпочёл бы ничего не знать о расчётах вдовствующей императрицы.

Теперь его задачей было хорошо выполнять свои обязанности, быть мечом императора. Он хотел посмотреть, сможет ли он занять больше места в сердце императора, чтобы, когда тот закончит использовать его, у него был бы достойный путь к отступлению и место, куда можно вернуться.

На следующий день Шэнь Нянь поменялся с кем-то дежурством и сразу же отправился домой. Он не спал всю ночь и был настолько уставшим, что с трудом открывал глаза.

Каждый раз, когда он возвращался в дом семьи Шэнь, матрона Вэнь начинала плакать. Сегодня он был настолько измотан, что, не дожидаясь, пока она заговорит, раздражённо сказал:

— Матушка, подожди, пока я проснусь, и тогда всё обсудим. Если ты сейчас заговоришь о втором брате, он никогда не выйдет из дверей кабинета.

Матрона Вэнь замолчала, не осмеливаясь произнести ни слова.

Шэнь Нянь спокойно проспал в своей комнате и проснулся только днём. Матрона Вэнь действительно не потревожила его.

У большинства людей в этом мире есть слабости, и угроза Шэнь Цином была для матроны Вэнь самым действенным способом.

<http://bllate.org/book/16626/1522276>